ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ ВСЕНОЩНОГО БДЕНИЯ В МОНАСТЫРЯХ СВЯТОЙ ГОРЫ АФОН

Святая Гора Афон занимает исключительное место в Православном мире. Афон, избранный Самой Пресвятой Богородицей в удел, место особого попечения Божией Матери, уже с VII века становится крупнейшим духовным центром Византийской империи. С этого времени и до сего дня, несмотря на многочисленные нашествия иноверцев и варваров, Афон продолжает быть единственным в мире местом, где сосуществуют, сохраняя и развивая свои традиции (в том числе и литургические), несколько направлений восточного православного монашества.

Первыми насельниками Святой Горы были отшельники, знаменитые подвижники египетских, сирийских и палестинских монастырей и скитов, которые оставили свои обители, спасаясь от нашествия арабов. Несчастные изгнанники тысячами ринулись в Константинополь, прося защиты у императора. В 680 году император Константин Погонат своим хризовулом (указом) отвел им для жительства уединенный Афонский полуостров и тем же указом закрепил за монахами право вечного владения Святой Афонской Горой. Поэтому и богослужение на Афоне вплоть до X века совершалось по различным скитским уставам, принятым у палестинских келлиотов. Такой порядок сохранялся еще долгое время после основания первых монастырей. Это видно из того, что Киево-Печерский игумен Досифей в XIII веке заимствовал на Афоне устав келейного правила, а митрополит Киприан (1390–1406) в своей редакции Псалтири большое место отвел афонским особенностям келейного совершения суточного богослужения. К этому же времени (XIII в.) относится Типик, или Устав, Карейской келлии, составленный святым Саввой Сербским для монаха, живущего в устроенной им безмолвнице, получившей отсюда название «типикарница». Порядок служб по этому Уставу близок к обычному, с той лишь разницей, что ежедневно должна быть прочитываема вся Псалтирь; кафизмы, не вошедшие в состав богослужений суточного круга, должны прочитываться в промежутке между ними. На утрени, 3-м, 6-м и 9-м часах в продолжение всего года читается по три кафизмы. В субботу вечером совершается всенощная особого состава: Трисвятое, псалом 50, канон, чтение из Евангелия, после Шестопсалмия – три-четыре кафизмы. Далее служба идет обычным порядком, но библейские песни стихословятся отдельно, и уже за ними следует канон воскресный или святому. На Афоне же появилось «Постническое, или скитское, последование», составленное в XIV веке монахом Феодулом Фикарою. Это последование было переведено на славянский язык и в 1620 году издано в Вильне архимандритом Леонтием Карповичем.

Скитские уставы оказали определенное влияние на «Диатипосис» – устав, который в конце X века преподобный Афанасий Афонский ввел в основанной

им Лавре. По словам самого преподобного Афанасия, в его время на Афоне уже существовали «уставы, как письменно изложенные, так и неписанно преданные, которые уложили святые и богоносные отцы, а мы, недостойные, из их писаний и преданий по частям заимствовали и передали в руководство нашей Лавре». «Диатипосис» преподобного Афанасия был составлен им по образцу «Ипотипосиса» преподобного Феодора Студита, но отличался от последнего большей строгостью в дисциплинарной части. Некоторые его части, по замечанию профессора И. Д. Мансветова, составляют как бы середину между студийскими и позднейшими иерусалимскими порядками.

В дальнейшем Афонский устав все больше отклоняется от Студийского и приближается к Иерусалимскому: первый постепенно терял свое значение, а последний все больше усиливался и расширял круг своего влияния. Епископ Порфирий (Успенский) в своей «Истории Афона» сообщает, что уже во второй половине XI века Иерусалимский устав был переведен преподобным Георгием Иверским († 1072 г.), одним из ктиторов Иверского монастыря. В 1190 году святой Савва Сербский вводит в основанной им Хилендарской обители Иерусалимский устав константинопольской редакции, включив в него местные афонские обычаи, особенно относительно пищи и поста.

Иерусалимский устав вошел в употребление на Афоне в период его повсеместного распространения на Православном Востоке, когда богослужебные особенности палестинских монастырей уступили в нем место порядкам, сложившимся под влиянием литургических традиций Константинополя. На Православном Востоке в целом в условиях турецкого завоевания Иерусалимский устав был подвергнут серьезным сокращениям, что в конце концов привело к принятию Константинопольского устава 1838 года. Афон же не только сохранил Иерусалимский устав, но и значительно обогатил его богослужебными традициями различных монастырей. Поэтому в современной богослужебной практике святогорцы игнорируют печатные издания Иерусалимского устава (1545, 1577 гг. и т. д.), но каждый монастырь пользуется исключительно своим рукописным типиконом.

Это обстоятельство дало повод профессору А. А. Дмитриевскому, замечательному русскому литургисту и многократному паломнику на Святую Гору, говорить о Святогорском уставе.

По Дмитриевскому, Святогорский устав, возникший из описаний местных монастырских обычаев, существовал уже в XI веке. При этом он ссылается на Никона Черногорца, известного литургиста того времени, который в своих Пандектах и Тактиконе пользуется уставом Святогорским наравне со списками Иерусалимского и Студийского уставов. Говоря о развитии Святогорского устава, Дмитриевский приводит рукописный типикон из Ватиканской библиотеки, который озаглавлен «Типикон Лавры святого Саввы и Лавры святого Афанасия на Афоне» и датируется 1373 годом.

Не сообщая никаких сведений об истории Святогорского устава в XII–XVI веках, Дмитриевский связывает современный Святогорский типикон с типиконом Дионисиатского монастыря, составленным в 1624 году неким иеромонахом Игнатием. При этом Дмитриевский приводит свидетельства современных ему афонских типикарей, говорящие о распространении Дионисиатского устава и авторитете, которым он пользуется в святогорских монастырях.

Но прежде чем приступить к описанию практического осуществления Святогорского типикона, необходимо сказать несколько слов об устройстве свято-

горских храмов, так как без этого останутся непонятными многие особенности совершения всенощного бдения на Афоне. Планы афонских соборных храмов-кафоликонов (καθολικόν) очень схожи. Исключение составляет только храм Протата в Карее, построенный по образу раннехристианской однонефной базилики. Остальные соборы представляют в плане равноконечный византийский крест, закругленный с восточной стороны. Часто к алтарной абсиде примыкают по бокам диаконник (справа), служащий хранилищем священных сосудов и местом собрания диаконов во время богослужения, и жертвенник (слева).

В центре алтаря стоит престол, над которым возвышается сень, или киворий, с главою на четырех тонких столбах. Под ним висит дароносица-артофорий (άρτοφόριον) в виде голубя или небольшой церковки. За престолом стоит большой крест; как правило – это один из ктиторских вкладов в монастырь. Семисвечники есть далеко не во всех храмах. На горнем месте стоит кафедра епископа или (как в Протатском храме и Ватопеде) чтимая икона Богоматери. Боковые абсиды отделены от алтаря завесами. Когда начинается освящение Святых Даров на литургии, их задергивают, как и завесу Царских врат. В тех храмах, где боковых абсид нет, завесы висят на прутьях, протянутых вокруг престола.

Иконостас святогорских храмов невысокий, часто двухъярусный. По традиции, его венчает крест с Распятием, с предстоящими по бокам образами Богоматери и святого Иоанна Богослова. Эта композиция устанавливается на двух фантастических китах, искусно вырезанных из дерева. Головы китов соединены, и их раскрытые пасти поддерживают Распятие, а на высоко поднятых хвостах стоят в резных овалах образы Богоматери и святого Иоанна Богослова. По объяснению самих святогорцев, эти киты являются символическим напоминанием о трехдневной смерти Спасителя и Его славном Воскресении из мертвых, прообразом которого является трехдневное пребывание пророка Ионы в китовом чреве (Ион. 2, 1; Мф. 12, 40). Под каждой из икон в местном чине, а также перед всеми отдельно стоящими иконами (в том числе и настенными изображениями Христа и Богоматери на перегородке между главной частью храма и литийным притвором) повешена небольшая иконка, к которой прикладываются после службы.

Возле правой колонны, ближе к Царским вратам стоит аналой, именуемый проскинитарием (προσκυντήριον). Этот аналой сделан из мрамора или ценного дерева с инкрустацией из перламутра, слоновой кости и черепахи. На нем во время праздничных бдений полагается икона праздника, а в остальные дни – икона ктитора монастыря или праздника, которому посвящена обитель.

За левой колонной установлена икона Божией Матери, почитаемая в монастыре, или большая икона с изображением святого ктитора монастыря, а за правой, возле проскинитария, – большая икона святого или праздника, которому посвящен монастырь. В боковых закруглениях установлены деревянные формы, или стасидии, для левого и правого хора певчих и почетных старцев. Во время праздничных бдений в стасидиях с правой стороны стоят губернатор и прочие представители светских властей, а с левой стороны – делегаты от монастырей и прочие духовные лица, приглашенные на праздник.

Исключение составляет храм Протата, где все стасидии справа и слева от архиерейской кафедры имеют таблички с названиями 20-ти святогорских монастырей, и их занимают антипросопы, то есть избираемые от каждого монастыря представители в Священном Киноте. Игуменскую стасидию занимает Протепистат, или Прот – председатель Священного Кинота.

Ближайшие к иконостасу стасидии занимают: типикарь, так как типикарница (шкаф с богослужебными книгами) обычно находится за правой восточной колонной, которая поддерживает купол; канонарх и экклесиархи. С правой стороны, при входе на середину храма, под резной сенью находится на возвышении епископская кафедра (φρόνος), изготовленная обычно из ценных пород дерева. Справа от нее – стасидия игумена, такая же, как и остальные, но с более вычурной резьбой. В этой стасидии игумен стоит в обычные дни или когда праздничное богослужение возглавляет архиерей.

На левой стороне храма, параллельно первой кафедре, находится вторая (параφρόνιον), несколько меньшая по размеру и скромнее украшенная. Она используется редко, при служении двух епископов.

Середину купола во всех храмах занимает хорос (χóρος), которому дал подробнейшее описание В. Григорович-Барский (XVIII в.). «Хорос, – пишет Барский, – по-гречески не что иное знаменует, точию лик торжествующих и чинно окрест стоящих. Есть убо сей хорос некий обруч медный, равною мерою с главою храма соделанный, весь сквозе дыряв изваянный, с преплетением различных тонко изрытых цветов, птиц и животных, с частыми пределами орлов двоеглавных и неких кругов наподобие башень, висит же оцеплен к выи главной храма на двадцати поясах, тоеюжде штукою и художеством излиянных... Нижая же обруча онаго такожде тонко излиянные некие дискоси дырявые, наподобие решет, или кадильниц висящие, тяготы ради и праваго висения хороса, нижая же тех висят кисти шелковые, красоты ради; с верху же окрест всего хороса обстоят на остротах водруженные свечи многи... иже никогда все не запаляются, точию некие определенныя от них нарочно зажигаются в дни праздничные... от них же неугасаемы суть числом тридесат три». В центре «неких кругов» сделан проем (арка), в котором подвешена небольшая икона-таблетка с двусторонним поясным изображением мученика или апостола.

В середину хороса из купола спускается на цепи многоярусное паникадило со множеством свечей. Кроме него в храме по бокам есть еще четыре паникадила. Перед крестом, венчающим иконостас, висят небольшие лампы с крестом и двумя высокими и толстыми свечами. Такая же лампада висит и над главным входом в эту часть храма, где по обычаю изображается Успение Богоматери или «Спас Недреманное Око».

Пол храма вымощен мозаикой из разноцветных мраморных плит. Под хоросом, напротив Царских врат, выложены разноцветным мрамором два четырехугольника, находящиеся один в другом. Между ними на каждой стороне имеется по три круга: один в середине и два по углам. Такой же круг, большего размера, именуемый в Святогорском типиконе омфалион (ὀμφάλιον) («пуп»), есть и в середине четырехугольников. Нередко в нем находится рельефное мраморное изображение двуглавого орла. На него обычно ставится дискеллий (δισκέλλιον) – особый складной аналогий, и там читаются паремии и положенные за бдением поучения и синаксарь. Аналогичные прямоугольники, чуть поменьше, находятся по бокам храма. В их центре стоят тумбы-аналогии, на которых певчие кладут необходимые книги.

Эту центральную часть храма, которая именуется главным храмом кириос наос (κύριος ναός), отделяет от следующей, называемой внутренним, или литийным, притвором, исонарфикс, или лити (ἑσωνάρφηξ, или λιτή), стена, которая доходит до арок, соединяющих колонны центральной части храма с внутрен-

ним притвором. В стене есть три двери, из которых средняя по размеру и большая задергиваются завесой. Эти двери украшены тонкой инкрустацией из различных пород дерева, перламутра и черепахи и потому называются красными, орез (ὄραία). По сторонам красных врат на стене изображаются Христос и Богоматерь, как и в иконостасе. Входят в храм обычно боковыми вратами, а не красными, которые открываются только во время праздничных богослужений. По сторонам внутреннего притвора и за колоннами также находятся стасидии. Игумен стоит в стасидии за правой колонной, рядом с красными вратами, во время чтения часов, повечерия и полунощницы, а в стасидии за правой колонной возле выходной двери – во время литии.

Над внутренним притвором в некоторых храмах устроены катихумены, или хоры, с большими окнами, обращенными внутрь храма.

Почти все соборы на Святой Горе кроме внутреннего притвора имеют еще внешний притвор – эксонарфикс (ἐξονάρφης или προῦλαιον), по размерам значительно меньший первого и отделенный от него капитальной стеной. Во внешний притвор можно войти с паперти через дверь, находящуюся посередине, но часто имеются и две боковые двери. Во внешнем притворе, справа от входа в храм, стоит больших размеров мраморная стасидия, в которой игумен садится после ктиторских панихид и панихид в пяток вечера перед Мясопустной и Троицкой субботами. За этой стасидией по обеим сторонам входной двери тянутся скамьи, на которых в этих случаях сидят братья монастыря. Певчие размещаются в стасидиях на противоположной стороне.

Все афонские монастыри придерживаются византийского отсчета времени, согласно которому день начинается с захода солнца. Каждую субботу, когда заходит солнце, главные часы монастыря устанавливаются на отметке «12». Исключение составляет Иверский монастырь, где отсчет времени ведется от восхода солнца, как было у древних христиан. Вседневный суточный круг богослужений начинается в 9 часов вечера (по европейскому времени 6 часов вечера) вечерней, которой предшествует 9-й час со своим отпуском. По отпуске вечерни бывает «исхождение» – эксодиастикон (ἐξοδιαστικόν), когда братья с пением мертвенных тропарей («Со духи праведных скончавшихся» и так далее) исходит в литийный притвор – место обычного захоронения ктиторов – и совершает краткую заупокойную литию. Затем следует трапеза (если она положена по уставу) и сразу после нее – повечерие. Как и 9-й час, оно совершается в литийном притворе. Завеса, отделяющая притвор от главной части храма, задернута. Канон на повечерии поется, а не читается. По этому поводу Григорович-Барский замечает: «Каноны нигдеже вне чтут, но всегда поют, и на утрени и на повечернице... Еще же поют и троична, по неделям, с приглашением «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе» сицевым способом: 1-ю и 3-ю песнь зело низким и тихим глазом, яко едва слышатися, 4-ю, 5-ю и 6-ю, – мало вышным, от 7-й же еще вышным, даже до окончания канона. Последни же точию два поют троична: «Достойно есть славити Тя, Троице Святая, воспоем вси боголепно», также «Из мертвых видевши Твоего Сына» и «Достойно есть, яко воистинну» и прочая, до конца утрени», к которой присоединяется 1-й час, со своим отпуском.

По Ксенофскому типикону, в притворе «творит чредной иерей поклон игумену и диавест (чтец), благословившись, читает повечерие, когда же прочтет «Верую», отходит канонарх на средину и канонаршит обычный канон Октоиха Божией Матери, и поем медленно и благоговейно и по окончании его читаем

икосы Богородицы медленно и с чувством. По исполнении же их диаваст продолжает чтение повечерия».

Повечерие оканчивается Чином Прощения, который совершается следующим образом: иерей по отпусе делает поклон стоящему на середине храма игумену, затем братия подходит к игумену, кланяется ему до земли и берет благословение. Перед этим братия по кругу обходит литийный притвор и прикладывается ко всем иконам, начиная с образов Христа и Богоматери. Во время этого трогательного чина поется стихира праздника или святого, которому посвящен монастырь (в Ватопеде – «Красоты девства Твоего»).

В некоторых монастырях, например, Ватопеде, канон на повечерии из Октоиха поется на вечерне после стихир на стиховне, а во время повечерия совершается чтение акафиста «Взбранной Воеводе» перед чудотворной иконой Божией Матери. Во всех обителях, кроме Русской, во время повечерия или сразу после него виматарий (обычно – иеромонах) выносит из алтаря на середину храма святые мощи, имеющиеся в монастыре. Паломники слушают рассказ о монастыре и его святых, после чего кланяются святым мощам, которые затем уносятся обратно в алтарь.

В Русском Пантелеимоновском монастыре сразу после повечерия совершается общая исповедь, после которой духовник исповедует братию и паломников.

Утреннее богослужение в будни начинается в 7 часов (по европейскому времени 4 часа утра) полунощницей. Затем следуют утренняя, 1-й, 3-й и 6-й часы и литургия. Почти во всех монастырях на Святой Горе ежедневно поется молебный канон Божией Матери. Это пение совершается непосредственно перед дневной трапезой, но в некоторых обителях ради удобства – сразу же после литургии.

1-го числа каждого месяца во всех монастырях совершается чин малого освящения воды.

Одной из богослужебных особенностей афонских монастырей является то, что в будние дни все последования, кроме литургии, совершаются в кафоликоне. Литургию же служат одновременно в нескольких небольших храмах-параклисах (παρεκκλήσιον), которых в каждом монастыре насчитывается от 10 до 30. Такой обычай возник в древности, когда в монастырях устраивалось большое количество приделов для ежедневного служения за здравных и за упокойных литургий. Исключение составляют Ватопед и Русский монастырь. В первом литургия служит в кафоликоне каждый четверг, в память о чудесном избавлении Божией Матерью Ватопеда от нападения пиратов. В Русском монастыре литургия совершается каждую неделю в Пантелеимоновском соборе или в Покровском храме (параклисе) попеременно. Вероятно, этот обычай связан с тем, что в середине прошлого века, когда в Пантелеимоновском монастыре братия состояла из греков и русских, греки, составлявшие в это время большинство, не позволяли русским монахам совершать в соборе богослужение на славянском языке. Тогда на собранные в России средства над братским корпусом был построен храм Покрова Пресвятой Богородицы, внешним и внутренним видом почти ничем не отличающийся от русских церквей XIX века. В этом храме, который назывался вторым собором, русские монахи служили до 80-х годов прошлого века, когда к ним полностью перешло управление монастырем. В параклисах (а их в Русском монастыре более 30) богослужение совершается крайне редко, практически раз в году, на престольный праздник (в Успенском параклисе кроме литургии совершаются все последования от предпразднства до отдания праздника Успения). Только в

церкви святых апостолов Петра и Павла, устроенной при монастырской усыпальнице, каждую субботу совершается литургия и панихида по усопшим.

Практика такого редкого совершения литургий в параклисах, безусловно, недавняя и вызвана в первую очередь немногочисленностью братии Пантелеимоновского монастыря. Этот же объясняется и то, что, если бдения на воскресные дни не совпадают с великим праздником, а также памятью храмового или чтимого святого, оно заменяется здесь отдельным служением великой вечерни и полиелейной утрени, согласно типикону. Стоит также отметить, что, поскольку почти все насельники Русского монастыря, включая игумена, являются постриженниками различных монастырей России, рукописный Пантелеимоновский типикон в этой обители ныне не употребляется, а богослужение совершается по типикону, изданному Московской Патриархией, с сохранением некоторых общеафонских богослужебных особенностей.

Другим типом богослужения на Афоне является всенощное бдение, агрипния (ἀγρυπνία). На необходимость его совершения в воскресные дни, великие и храмовые праздники, а также дни памяти чтимых святых указывают все афонские типиконы. Бдения на Афоне по их торжественности, а значит, и продолжительности, разделяются на три вида. Вот что говорится об этом в «Письмах святогорца»: «Вы восхищаетесь нашими бдениями... а вместе с тем желаете и знать, каким образом всенощную можно продлить до 14 часов сряду? Надобно сказать, что подобные бдения очень редки, и в круглый год может быть одно, два или много – три... Здесь три разряда бдений: первое – торжественное праздничное в полном смысле; второе – на двенадцатые праздники, продолжающееся до 12 часов ночи; а третье – воскресное обыкновенное, не восходящее свыше 10 часов. К последнему относятся и дни великих святых». Далее мы будем говорить только о бдении первого типа.

Праздники, в которые совершаются эти бдения, у русских святогорцев называются «панагир» или «панигирь» (от греч. «πανήγυρις» – торжество). Этот термин обозначает не только всенощное бдение, но и всю совокупность обрядов и традиций, в том числе богослужебных, связанных с данным праздником. «Всякий панигирь того или иного из 20 кириархических (главных, господствующих) монастырей на Святой Афонской Горе является праздником не только данной обители, – пишет по этому поводу профессор А. А. Дмитриевский, – но, без преувеличения можно говорить, и торжеством всей Святой Горы».

Как уже говорилось, в святогорских обителях панагир бывает всего несколько раз в году: на главный храмовый праздник, дни памяти особо чтимых святых и некоторых чтимых икон Божией Матери. Об исключительности панагиров говорит и тот факт, что в Лавре преподобного Афанасия – старейшем монастыре на Святой Горе – панагир совершается только раз в году, в день памяти преподобного Афанасия Афонского (5 июля); а на главный храмовый праздник Благовещения совершается обычное бдение, как и на другие двенадцатые праздники. У В. Григоровича-Барского мы находим объяснение этого странного обычая: «Изначала же тамо главный праздник совершался на Благовещение Пресвятыя Богородицы, Ея же есть и великий храм, многымы лети по успению святаго. Обаче, якоже от предания тамошние иноки повествуют, явися Пресвятая Богородица во сне древле некоему добродетелному игумену и рече ему еще: «Отселе не творите праздника первого и главного в год Мене ради, ибо Мене блажат вси роды и празднуют доволно вси християне, но торжест-

вуйте праздник велик в память друга Моего Афанасия иже доволно Мне послужи и потрудися в обители сей». И от того времени праздник главный пременися и монастыр нача именоватися не Благовещения, но Лавра святого Афанасия, якоже и в хризовулах древнии царие свидетелствуют». Всего же на Святой Горе в году бывает около 45 панагиров, иногда одновременно в нескольких обителях.

Панагир начинается с чина архиерейской встречи. В последнее время присутствие архиерея стало неотъемлемой частью панагира. Греческие монастыри обычно приглашают одного из епископов Константинопольской Патриархии или Элладской Церкви, а в Русике праздничное богослужение возглавляет епископ Русской Церкви, который ежегодно приезжает с группой паломников к престольному празднику святого великомученика и целителя Пантелеимона.

На встречу архиерея вся братия во главе с игуменом собирается у главных врат (порты) обители. Игумен и священники – в облачении. Два экклисиарха держат переносные подсвечники - мануалы (μανουάλιον) и Евангелие. По прибытии епископа начинают звонить колокола. На архиерея возлагают панагию, надевают мантию и дают в руки жезл - равдос (ράβδος). Архиерей целует Евангелие, благословляет братию и следует в собор. Два диакона все это время непрерывно кадят перед архиереем. Хор поет: «Достойно есть» и «Ис полна эти, деспота». Войдя в собор, епископ прикладывается к иконам, благословляет певчих и народ и встает на кафедру. Следует краткая лития, во время которой поются тропари: Кресту, храма, святому, имя которого носит епископ. На «И ныне» – кондак «Взбранной Воеводе». В некоторых монастырях, например в Лавре, поется и Великое славословие. Дальнейшее повторяет порядок вечерней литии, но в более сокращенном виде. После возгласа архиерея «Услыши ны, Боже» и исполнения хором полного многолетия архиерею настоятель приветствует епископа. Затем следует ответное слово архиерея. Кроме того, в конце литии епископ благословляет подходящую к нему братию, начиная с игумена. Хор исполняет полное многолетие. Затем епископ снимает мантию и следует в свои покои.

Похожим образом, но без Евангелия и каждения, совершается и встреча игумена. Здесь необходимо сказать о святогорском обычае приглашать на панагир, кроме архиерея, игумена одного из афонских монастырей. Существует даже особый порядок приглашения. Некоторые обители имеют тесные исторические связи. Поэтому Ватопед на главный праздник традиционно приглашает игумена монастыря Хилендар, Лавра – Ивера, Русик – Зографа, и наоборот. Такой обычай имеет несколько оснований: во-первых, это позволяет святогорцам еще раз почувствовать себя большой семьей, которая живет и спасается в избранном уделе Божией Матери, невзирая на национальные и другие различия; во-вторых, приглашенный игумен приходит с лучшими диаконами и певчими своей обители, которые украшают праздничное богослужение, а также берет с собой часть братии, чтобы помочь насельникам празднующего монастыря в приеме и размещении паломников, приготовлении трапезы и т. п. Последнее обстоятельство немаловажно, так как, например, на главный афонский панагир – преподобного Афанасия Афонского – в Лавру собираются до 600 паломников, при численности братии Лавры около 40 человек. По тем же причинам за несколько дней до своего панагира монастырь прекращает прием паломников.

Игумен обители встречает гостя в мантии, с крестом (право на ношение которого на Афоне имеет только настоятель монастыря) и игуменским жезлом, патерицей (πατερίτσα). По прибытии гостя настоятель снимает мантию и крест,

возлагает их на него и передает ему патерицу. С этого момента гость становится как бы полноправным настоятелем данного монастыря: он возглавляет богослужение (если нет епископа), председатель за трапезой, его имя возносится за богослужением. При этом порядок прошений таков: сначала «О священноигумене святых обители сия (имярек) иеромонахе и всей во Христе братии нашей»; затем прошение с упоминанием имени настоятеля: «о (имярек) иеромонахе с братией, синодия (συνοβία – букв. – спутниками. – *Авт.*) его».

За три часа до захода солнца бывает малая вечерня, которую во многих монастырях предваряет перенесение чудотворного образа Божией Матери. Это связано с тем, что в некоторых обителях чудотворные иконы Божией Матери находятся не в центральной части собора, а на горнем месте в алтаре (Протат, Ватопед) или в одном из параклисов (Лавра, Ивер, Дионисиат и т. д.), устроенном в честь иконы. Этот чин, в котором участвует все духовенство в облачениях, очень торжествен и сопровождается каждением иконы и пением тропарей иконы, праздника и «Достойно есть». В соборе икону ставят в особый киот слева от Царских врат. Снизу к киоту подвешивают расшитую пелену; сбоку – по две старинные епитрахили; над иконой раскрывают зонт из драгоценной материи, а перед ней постилают ковер и ставят подсвечники. Вот как торжественное убранство соборного храма описывает А.А. Дмитриевский: «Вся богатейшая церковная утварь, вычищенная и вымытая, находится на своих местах. Вынута из скевофилакии (сосудохранильницы) и вся наличная ризница, ввиду многочисленного собора священнослужителей... Архиерейские облачения и священные сосуды не только блещут драгоценными украшениями, но и отличаются своею древностию и теми историческими традициями, которые с ними в обители связываются. Ко всем иконам наместным и стоящим особняком, подвешены драгоценные пелены, убранные каменьями и расшитые шелками и золотом. Дорогие епитрахили висят по бокам наместных икон почти по всему иконостасу (относительно данного обычая А.А. Дмитриевский замечает, что он возник из предписания типикона священнику во время вседневных служб не входить без нужды в алтарь, а произносить ектеньи перед Царскими вратами, надевая на себя епитрахиль, висящую сбоку этих врат на специальном крючке. – *Прим. авт.*). Заготовлены драгоценнейшие ковры, которые опытные епископы быстро развертывают и убирают на торжественных соборных выходах».

Сразу за малой вечерней следует трапеза. По общему афонскому обычаю, на трапезе перед всенощным бдением всегда подают жареных осминогов, а после всенощной – жареную рыбу, «труда ради бденного».

О времени начала всенощного бдения разные типиконы дают различные указания (кстати, этому вопросу была посвящена специальная записка, поданная царю Алексею Михайловичу жившим тогда в Москве архимандритом Афонского Иверского монастыря Дионисием). Одни указывают время «по заходе солнца, если ночь короткая; если же нет, то в первый или второй час ночи». Другие определяют время начала агриппии до 2-го или 3-го часа ночи. Наконец, третьи указывают: «Около часа ночи вне зависимости от времени года». Это разнообразие объясняется наличием или отсутствием в монастыре «добротных певцов и чтецов». В настоящее время только несколько из 20 святогорских монастырей (Ватопед, Симонопетр, Дохиар) имеют слаженные хоры, и поэтому те, которые их не имеют, для придания праздничному бдению большей торжественности приглашают певчих из других монастырей.

Отдельно следует сказать о певчих-келдиотах. На Афоне славу наиболее искусных певцов имеют братства Иосафеев, Карцонеев и Даниилеев. Последние ежегодно поют на панагире в Русском Свято-Пантелеимоновском монастыре.

При совершении благовеста на Афоне, как в древних монастырях, до сих пор употребляются била и клепала, которые делятся на «тяжкое», «великое» и «железное», несмотря на то, что повсеместно имеются и колокола, которые звонят после того, как смолкнут била. Сохраняется также древний обычай сопровождения благовеста в «великое» и «тяжкое» пением «Непорочных» или 50-го псалма, при этом одни монастыри держатся общего большинству списков Иерусалимского устава порядка деления «Непорочных» на 12 частей, соответственно 12 ударам в било, допуская замену «Непорочных» двенадцатикратным чтением 50-го псалма. Другие делят благовест на три звона, соответственно трем статиям «Непорочных». Продолжительность того и другого благовеста зависит от времени года: в зимнее время он удлиняется, а в летнее сокращается. Например, типикон Пантелеимоновского монастыря допускает сокращение благовеста «от 14 сентября до Недели Ваий». Особый порядок совершения благовеста в Лавре преподобного Афанасия Афонского описывает В. Григорович-Барский: «Первое бо гласят в вси звоны, также толчет в великое висимое било сицевым образом: толкнувши пят или шест раз скоро, также чет дванадесят «Верую», по всяком «Верую» ударяючи в било раз, дондеже совершатся 12, и паки 5 или 6 скоро, якоже первее; таже вторую статию бьет медленно, с 12 «Верую», и паки пят, шест скоро, таже и третью статию, с 12 «Верую». Последни же 2 статии обычных, скорых и долгих, о них же предпомянухом, по древяном же билу в клепало железное статию едину».

Чтобы заполнить время, установленное уставом для совершения агрипнии, в некоторых святогорских обителях чин бдения предваряется малым повечерием, которое совершается, как было описано выше, но с той разницей, что молитва, положенная в конце повечерия: «И даждь нам, Владько, на сон грядущим», опускается, «как не соответствующая цели настоящего нашего подвига», по замечанию «Писем святогорца».

Всенощное бдение начинается совершением в литийном притворе службы 9-го часа, со своим отпуском. Если бдение возглавляет архиерей, к обычному возгласу: «Молитвами святых отец наших», которым на Афоне заканчиваются все службы, прибавляется «Молитвами святаго Владьки нашего».

Чин великой вечерни совершается в центральной части кафоликона. При этом архиерей (или в его отсутствие игумен) стоит на архиерейской кафедре в мантии и с жезлом. Служащий иеромонах подходит к кафедре и, сотворив земной поклон предстоятелю, берет благословение на начало богослужения. На интересную особенность указывает типикон сербского Хилендарского монастыря. Здесь иеромонах благословляется не у предстоятеля, а у иконы Божией Матери «Троеручица», находящейся справа от архиерейской кафедры. Иерей полагает перед иконой три земных поклона и лобызает икону, после чего отходит в алтарь. Такое начало сохраняется и в будние дни.

Дальнейшее бывает, как это описано в Диатаксисе Константинопольского Патриарха Филофея (XIV в.): «Когда настанет время, отходит иерей с диаконом и творят поклоны иконе Владьки Христа, между тем как все братья сидят; диакон, взяв свой стихарь с орарем и поклонившись на восток трижды, подходит к иерею и говорит: «Благослови, Владько, стихарь с орарем»; иерей благо-

словляет их, говоря: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков». Затем надевают оба присвоенные одежды». По облачении священник «кадит святую трапезу крестовидно окрест и весь жертвенник (то есть алтарь) и, отворив святые двери, исходит» северными дверьми, предваряемый двумя экклисиархами в мантии и с возжженными свечами на подсвечниках. Став посреди храма лицом к архиерейской кафедре, они возглашают: «Повели» («Келевсон»), «Повелите» и «Повели, Владыко (Отче) святой» и при этом приподнимают подсвечники. Вслед за этим иерей кадит перед святыми дверьми, затем перед иконами в иконостасе, правым и левым ликом, предстоятелем и иконами в проскинитариях и всей братией; при этом ему предшествуют экклисиархи или диаконы со свечами. «Исходит же и в притвор и кадит по чину и тамо сухую братию». Каждение притвора (литийного) совершается так, как это описано в 22-й главе типикона: священник «творит крест кадилком пред красными врата, также кадит на обе стороны святые иконы и братию всю по чину их; последи же возвращается к красным вратам, зря к западу, кадит крестовидно всех». Затем иерей, «паки возвращая в церковь и став посреди обою лику, знаменует кадилком крест, зря к востоком и возглашает велегласно: «Господи, благослови».

После начального возгласа иерея «Слава Святей» предстоятель с кафедры читает «Приидите, поклонимся» трижды. Четвертый стих «Приидите, поклонимся и припадем Ему» не произносится, что, кстати, соответствует русской богослужбной практике до XVI века.

Затем предстоятель читает 103-й псалом до стиха «Отверзшу Тебе руку». Отсюда лики начинают антифонное пение предначинательного псалма с аниксантариями. Самое раннее указание на исполнение аниксантариев встречается в рукописи Ватопедского монастыря № 320 (931), которая датируется 1346 годом. По своему содержанию аниксантарии являются краткими прославлениями Троицкостасного Божества как Первопричины мироздания, которые перекликаются со стихами 103-го псалма. «За каждым стихом все славословят Троицу, Которая есть Создатель всего», – замечает святой Симеон Солунский (XIV в.). Все аниксантарии имеют припев: «Слава Тебе, Боже», который в свое время был припевом 1-го антифона песенной вечерни. Их полный текст записан профессором А. А. Дмитриевским и опубликован в его «Описаниях литургических рукописей...». Пение аниксантариев, которое продолжается около двух часов, афонцы слушают с особым благоговением. Типиконы предупреждают, чтобы иерей в это время не читал светильничных молитв, которые надо читать после стиха: «Вся премудростию сотворил еси». Кроме аниксантариев к особенностям пения предначинательного псалма относится присоединение к трехкратному «Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе, Боже» четвертого стиха: «Уповаание наше, Господи, слава Тебе». Этот же порядок сохраняется при всяком пении или чтении кафизм. На мирной ектении, как и на всех последующих, при архиерейском служении поминается только служащий архиерей, причем прошение звучит так: «Об архиепископе нашем (имярек)... Господу помолимся». Если нет архиерея, таким же образом поминают Константинопольского Патриарха. Восьмое прошение начинается словами: «О святей обители сей, Святей Горе сей» и т. д. На Афоне, как и во всех греческих церквах, в начале прошения «Пресвятую, Пречистую...» хор поет: «Пресвятая Богородице, спаси нас».

О пении первой кафизмы типиконы говорят: «стихословие "Блажен муж" во глас 8-й, начинает же это не начальный хор, но другой, второй же псалом –

начальный хор, и третий – опять второй хор». Однако в современной практике пение первой кафизмы зачастую вообще опускается.

Пение «Господи, возвах» начинается с возгласа канонарха: «Благослови, Владыко, глас (называется прилучившийся глас Октоиха)». Вообще обязанности канонарха за великой вечерней детально регламентированы уставом (см. 27-ю главу нашего типикона) и подробно описаны В. Григоровичем-Барским. «Канонарху, – пишет Барский, – дело есть: на «Господи, возвах» и на «Хвалитех» глас оглашати, на всем правиле чрез сутки канархаты (то есть канонаршить. – *Прим. авт.*) и Псалтирь, и Парамей, и Апостол и Синаксар честы, и в зажжению и погашению свещь и кандилов, егда упразднится, иным помоществует. Огласивши же глас, с преложением рук, низу смотрящи, пред оным крилосом стоит (обратившись к начальнейшим), на нем же начинает певец пети «Господи, возвах» или «Хвалите», и егда услышит поюща: «Вонми гласу моления моего» или «Хвалите Его в вышних», покланяется ниц до земли и отступает на странну, дондеже придет время канархати стихиры. Идеже поется: «Яко утвердися милость Его на нас», преходящи чрез церков, полагает на себе крест пред царскими враты и, обратившись на запад, к оной стране скоро приходит, и уже не полагаючи книги на налои, по всегдашнему тамо обычаю, но держачы в руках, канархает. Такожде на «Славе, и ныне» на руках канархает, еще же и на стиховнах всех святых четиредесятницы, прочее же всегда полагаючи книгу на налои, и на подножии (очевидно, здесь имеется в виду омфалион. – *Прим. авт.*) стоящи. Егда же поется наславник велик, кроме и «и ныне» такожде особенно великое, тогда не преходит яве чрез храм, но сокровенно за свещникамы, близ иконостаса, пред наместными образами, на «славе» убо, ради протяженнаго пения, донележе окончит (хор. – *Прим. авт.*) «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу» (да не стоит пред крилосом празден, мало тамо сокривается, на «и ныне» же, и тойжде ради вины и благочиния ради входа, сокровен за свещникамы стоящи, громыгласно издалече канархает. Егда же поются прокимены, на вечернях, сей ставшы посреде церкви, стихи ответствует тихим гласом, клубук снявши». Пение антифонное, причем первые два стиха «Господи, возвах» и «Да исправится» поют особым долгим распевом, каждый по 15–20 минут. Стихиры поют на 10, с канонархом. Здесь есть ряд особенностей: 3-ю или 4-ю стихиру всегда исполняет предстоятель с кафедры – один или вместе с несколькими «доброгласными псалтами». Для пения Догматика оба хора сходятся вместе. Догматик также поется долгим распевом.

Одновременно с началом пения «Господи, возвах» два ексκληсиарха или кандилапта (свещевозжигателя), в мантиях, сотворив три земных поклона перед иконой Божией Матери и по одному поясному пред предстоятелем, лицами и братией, начинают зажигать свечи на хоросе, паникадилах, подсвечниках и лампадах. Делают они это синхронно и весьма изящно, умело пользуясь длинными шестами, концы которых, как змейками, обвиты тонкими свечами. При этом число свечей, зажигаемых перед праздничной иконой, строго регламентируется типиконом. Так, соборный типикон Ватопедского монастыря 1508 года имеет даже особую таблицу с указаниями о свещевозжигании на весь год. В сентябре, например: «1-го сентября светильницы, яже наверху, оставляем; возжигаем же иконостас (то есть подсвечник перед Распятием. – *Прим. авт.*) и хорос, и успенскую свечу, и только на время вечерни. Пред образом же святого Симеона возжигаем свечи две, на утрени творим по обычаю. 6-го, на архангела Михаил-

ла, пред образом его возжигаем свещу едину. 8-го (Рождество Богородицы) возжигаем свещи, якоже обычай есть в неделю. Перед проскинитарием же богородичным возжигаем свещи три. Подобает бо ведети непременно, что егда возжигаем у проскинитария три свещи, сохраняем их негасимы. 9-го возжигаем в проскинитарии свещи две на всю службу, в память Богоотца и т. д.

Типиконы предписывают начинать каждение на «Господи, возвах» с пения стиха «Да справится», причем кадят не только в алтаре и в храме, но и во внутреннем притворе: «Когда же поется «Яко кадило пред Тобою», диакон кадит сначала внутри алтаря, затем исходит северною дверью и кадит проскинитарий с иконой святого, затем игумена и отходит недалеко от игумена и кадит всех на правом клиросе и, окадив крестовидно против аналоя, как и на первом клиросе, двигаясь кадит старцев, затем исходит в притвор и кадит всех по чину». Обычно каждение совершают два диакона, которые входят разными боковыми воротами, кадят икону Божией Матери и проскинитарий с праздничной иконой трижды по трижды; затем кадят предстоятеля; потом расходятся для каждения клиросов; после этого вновь сходятся в центре храма и кадят стоящую братию и паломников, и главными дверьми исходят кадить притвор. Особенностью афонского каждения является ношение диаконами особых ковчежцев для ладана в виде серебряных или позолоченных церквей. Эти ковчежцы, или «сионы», диаконы носят на левом плече и придерживают рукой, обернутой пеленой.

Особой торжественностью отличается вход с кадилом. По типикону Филофеевского монастыря: «Когда же начнут петь «Слава», кандилапт выходит на середину храма и, поклонившись трижды к востоку, делает поклоны к обоим хорам, и по сему знаку отходят иереи и иеродиаконы во святой алтарь и облачаются для участия во входе». В современной практике еклисиарх (а не кандилапт) обходит храм и притвор и приглашает священников, начиная с гостей и старшей братии, к участию во входе. После этого иереи, начиная с игумена, подходят к архиерею и, взяв благословение, уходят в алтарь. В середине пения Догматика иеродиаконы и священники исходят из алтаря и становятся полукругом в центре храма на омфалионе или по бокам кафедры, в зависимости от размеров храма и числа служащих. В центре становятся два кандилапта с подсвечниками и два иеродиакона с так называемыми «мальми» рипидами (без древка). Когда предстоятель с кафедры благословит вход, архиерей возглашает: «Премудрость, прости». Священники начинают петь «Свете тихий». Со слов «Иисусе Христе» диаконы кадят иереев, а когда начнут петь «поем Отца, Сына и Святаго Духа», иереи делают поклон епископу, берут его благословение и по двое входят в алтарь. Диаконы, стоя по бокам от Царских врат, кадят входящих иереев. Затем в алтарь входят и иеродиаконы. Вот как описывает вечерний вход на праздничном бдении в Пантелеимоновском монастыре инок Парфений: «Когда пели стихиры, тогда еклисиарх ходил по всей церкви и приглашал всех иеромонахов и иеродиаконов в алтарь. Тогда иеродиаконы по два выходили и становились среди церкви, творя два поклона в пояс и третий земной, подходили к Владыке с земным поклоном и брали от него благословение. Поклонившись, уходили в алтарь; за ними иеромонахи так же творили и уходили облачаться. Когда же начали петь «И ныне» и Богородичен, тогда вышли из алтаря наперед два еклисиарха в мантиях, несли по подсвечнику, за ними два диакона с кадилами; за ними же два диакона, один с кириями (джирием и трикирием), а другой со свечью; за ними два диакона с рипидами; за ними один ди-

акон нес великий запрестольный крест; прочие диаконы шли по двое со свечами; за ними шли по двое священники с опущенными вниз руками; за ними уже и игумен. Всех же вышло около ста человек и сделали великое полукружие; а когда диаконы покадили иконы и Владьку и один из них возгласил «Премудрость, прости», тогда «Свете тихий» пели одни только священники и диаконы. Когда начали петь слова «пришедше на запад солнца», тогда игумен на правый и левый клиросы сотворил по малому поклону и вошел в алтарь; священники по двое также сотворили; диаконы в Царских вратах кадили каждого и допевали стих уже в алтаре».

Современная практика несколько отличается от уставной: по окончании пения «Свете тихий» второй диакон, стоя к западу, возглашает: «Вечерний прокимен» (глас прокимна не оглашается). Священнослужители поют прокимен и стих прокимна и уже после этого входят в алтарь.

Во время входа и пения «Свете тихий» еклисиархи зажигают свечи на хороше и паникадилах и начинают их раскачивать.

«Сподоби, Господи» и паремии читает предстоятель с кафедры. Лития на Афоне также имеет свои особенности. Афонские типиконы, в отличие от палестинских и других списков Иерусалимского устава, предписывают иерею и диакону выходить на литию не северной дверью, а Святыми вратами. Все типиконы указывают, что лития должна совершаться во внутреннем притворе: «По возгласе (просительной ектеньи. – *Прим. авт.*) исходит иерей с кадиллом Святыми вратами, в преднесении канонархом подсвечника, исходит с игуменом и певцами в нарфик храма, в котором поем обычные тропари» (Костамонитский типикон).

В одних монастырях лития совершается с пением стихир святого обителя, к которой присоединяются Богородичные стихиры гласа или догматические Павла Аморийского. На праздничном бдении стихиры Богородицы заменяются стихирами праздника; после них следует Догматик. В Лавре преподобного Афанасия Афонского Догматик поется перед чудотворной иконой Божией Матери «Икономисса», которая находится слева от главных (красных) дверей из притвора в храм. Для этого хоры сходятся и образуют полукружие перед иконой, а диаконы все время, пока поется Догматик, кадят икону.

В других монастырях поется только стихира святого обителя и самогласен праздника. Богородичен после «Слава, и ныне» не поется (типикон Григориатского монастыря). Типикон Пантелеимоновского монастыря указывает также каждение иереем или диаконом певчих, поющих литийные стихиры. Все стихиры поются с канонархом.

В части прошений литийной ектении, их количества и последовательности афонские типиконы допускают большое разнообразие. На Святой Горе сохраняется палестинская практика поименного поминовения на литии живых и умерших. Наибольшим количеством прошений отличается Филофеевский типикон, по которому кроме чтения диптихов полагается шесть прошений. Другая особенность этого типикона: возглас «Услыши ны, Боже» и молитву «Владько Многомилостиве» читает сам предстоятель.

По типикону Григориатского монастыря, полагается всего четыре прошения (отсутствуют прошения «Помилуй нас, Боже» и о епископе), зато каждое из них сопровождается сорокакратным пением «Господи, помилуй». Практика литийных прошений по типикону Пантелеимоновского монастыря аналогична Григориатской. Но сорокакратное «Господи, помилуй» после каждого прошения этот устав полагает только в зимнее время. В летний же период, из-за крат-

кости ночи, после первого прошения певчие трижды поют «Господи, помилуй»; затем диакон продолжает произносить оставшиеся прошения, а певчие непрерывно поют «Господи, помилуй».

В Симонопетрском монастыре после первого прошения хор поет «Господи, помилуй» сорок раз, после второго прошения – три раза; так же и после третьего прошения (о епископе и игумене с братией); затем подряд следуют несколько прошений о живых и усопших, после которых хор единожды поет «Господи, помилуй»; сорок раз и трижды – после чтения диптихов, начиная с поименного поминовения ктиторов. Последние прошения («о еже сохранитися святей обители сей» и т. д.) произносятся аналогично указаниям Пантелеимоновского типикона.

Интересную обрядовую особенность чина литии в Костамонитском монастыре представляют закрытие красных дверей после того, как литийная процессия войдет из храма в притвор, и открытие этих же дверей вновь, когда начнется поминовение живых и умерших. Возможно, этот обычай направлен на то, чтобы все стоящие в это время в храме могли слышать чтение диптихов и принять участие в общих молитвах о живых и умерших.

На Афоне сохраняется древний порядок окончания литии, когда священник и диакон во время пения стихир на стиховне уходят в алтарь, а Святые врата закрываются. «По исполнении молитвы певцы поют стиховные с их стихами. Иерей с диаконом входят в храм в преднесении подсвечников, затем подсвечники поставляются по сторонам хлебов, иерей же с диаконом трижды совершают поклон и кланяются к хорам, и входят во святилище» (Филофеевский типикон).

Описание литии будет неполным без упоминания еще одной существующей на Святой Горе традиции. С учетом продолжительности праздничного бдения (агрипния на анагир вместе с литургией продолжается обычно 15–17 часов), после паремий делается небольшой перерыв до Шестопсалмия. В то время как служба идет своим чередом, архиерей, а за ним и большинство певчих, монахов и паломников, в сопровождении настоятеля направляются в синодик – зал для торжественных приемов, где гостям предлагают традиционное восточное угощение: чашку кофе со стаканом холодной воды, рюмку ракии (афонской водки), сладости и фрукты. Принимая во внимание это обстоятельство, типиконы разрешают вкушение пищи до Шестопсалмия.

Отпустительный тропарь «Богородице Дево» поют оба хора, причем после каждой из восьми строф певчие исполняют терирем (особый певческий прием, где мелодия имеет определяющее значение. – *Прим. ред.*) на один из гласов Октоиха, начиная с первого. Этот тип песнопения (как и знакомые по старообрядческому богослужению аенайки) в византийском пении носит название «кратима» (от греческого «κράταω» – держу, задерживаю). Происхождение кратим связано, по-видимому, с богослужебным чином церкви Святой Софии Константинопольской, где они имели практическое назначение – они «задерживали» (отсюда и название) богослужение, когда это было необходимо (например, до прихода императора, который выполнял определенные обязанности за богослужением), позволяя избегать долгих пауз, столь отрицательно воспринимаемых православным литургическим сознанием. Кратимы и сейчас не вполне утратили свои утилитарные функции: помимо придания праздничной службе большей торжественности, они помогают типикарю или ексхисарху регулировать продолжительность богослужения. На Афоне строго соблюдается древнее указание Иерусалимского устава: «Должно есть ексхисарху имети опасство в псалмопении и в чтении,

да солнцу восходящу бывает отпуст». Попутно заметим, что по той же причине неотъемлемую принадлежность афонских храмов составляют часы с боем. Пение «Богородице Дево» с териремом может продолжаться от 40 минут до полутора часов.

Чин благословения хлебов, артокласия (ἀρτοκλασία – хлебопреломление) на Афоне также имеет свои особенности. По типикону Костамонитского монастыря, во время пения отпустительного тропаря «исходит иерей Святыми вратами и кадит хлебы кругом, не делая им поклона, ибо этот хлеб простой и неблагословенный; затем, окадив игумена и святого обители (икону. – *Прим. авт.*) и отдав кадило еклисиарху, отходит к аналою с хлебами, взяв же один в руки, говорит велегласно молитву. Когда же скажет «Сам благослови и хлебы сия», делает хлебом, который держит в руке, знак креста над прочими хлебами и, когда скажет «Яко Ты еси благословляяй и освящайяй», полагает хлеб на место и своей рукой благословляет все хлебы, пшеницу, вино и елей; затем, поклонившись трижды и сотворив поклоны к хорам, входит во святой алтарь. Диаваст возглашает: «Буди имя Господне благословенно... Слава, и ныне» и «Благословлю Господа...» до «яко несть лишения боящимся Его». Первый хор поет нараспев «Богатии обнищаша», и по исполнении сего иерей, став внутрь Святых врат и смотря к западу, возглашает: «Благословение Господне на вас, Того благодатию...» и прочее, сказав прежде «Господу помолимся».

Практики чтения 33-го псалма придерживается большинство святогорских монастырей, однако по типикону Филофеевского монастыря этот псалом поет канонарх, певцы же – стих «Богатии обнищаша» на 7-й глас.

Нет однообразия и в указаниях типиконов относительно вкушения благословенного хлеба. Филофеевский устав указывает раздавать братии хлеб и по чаше вина «труда ради бденного, как это издревле принято от святых отцов». Типикон Пантелеимоновского монастыря добавляет, что «хлебопреломление не всегда бывает, но только в зимнее время, когда продолжительны ночи, то есть от Воздвижения Тельного Креста до Великой Пасхи». Григориатский типикон говорит: «Келарь, разломив хлебы, раздает братиям, также и по одной чаше вина», но затем прибавляет, что «ныне же сего не бывает». Современная практика примиряет эти разноречивые указания типиконов: хлебы, пропитанные вином, раздаются вместе с антидором на литургии, сразу после причащения. Кстати, эта практика существовала уже во времена В.Г. Барского. В своем описании чина вкушения благословенного хлеба в Лавре преподобного Афанасия В. Григорович-Барский пишет: «И антидор порезавши, износит (екклисиарх) вне алтаря в время, егда поется «И всех и вся». Егда же есть бдение, тогда и хлеба благословенного частвы тамо полагаются и взимают вси по чину».

К частным особенностям чина хлебоблагословения относится пение в Григориатском монастыре на воскресном бдении, если нет памяти нарочитого святого, дважды тропаря святителю Николаю Мирликийскому, имени которого посвящен монастырь, и однократного «Богородице Дево». Другая особенность – каждение в Филофеевском монастыре перед хлебоблагословением не только игумена и хлебов, но также иконы Христа и Богородицы в иконостасе.

Чтение, установленное уставом во время хлебовкушения, несмотря на отсутствие самого хлебовкушения, на Афоне строго соблюдается. После возгласа иерея диаваст начинает чтение, стоя на омфалионе лицом к западу.

По одним типиконам, предметом чтения является Священное Писание Нового Завета: «ведати подобает, что от недели Пасхи до Пятидесятницы на этом

чтении, говорю же о великой вечерне, читаются Деяния апостолов, в прочие же недели всего времени (года. – *Прим. авт.*) 7 Соборных Посланий и 14 святого апостола Павла, и Апокалипсис Богослова» (типикон Пантелеимоновского монастыря).

Типикон Филофеевского монастыря предписывает чтение «Слова» в честь Пресвятой Богородицы: «начинается чтение так: Слово на праздник Пресвятой Владычицы нашей Богородицы». Костамонитский типикон оставляет предмет чтений на усмотрение еклисиарха: «канонарх, сказав «аминь», читает положенное еклисиархом чтение». Такое разнообразие в содержании великого чтения отмечает В. Григорович-Барский. О чтении в Лавре преподобного Афанасия он говорит, что там «на бдениях бывают чтения четыре: первое чет канонарх, от жития или похвалы празднуемого; второе чет честнейший кто, по первой кафисме, от оставшагося преждняго поучения; третье, по полиелеи, еще знаменитное лице, си ест кто от проигуменов; четвертое сам игумен, по третьей песни канона. Синаксар же, по 6-й песни, не посреде церкви, но на налоицы клироса от канонарха четца. В недели же, по троичных, 1-е чтение чет канонарх, от толкованнаго Апостола; 2-е чтение иный, по первой кафисме, или от жития празднуемого святаго, или от беседы Златоустаго, толкующей Евангелие, по рядной недели; трету кто от соборных (старцев. – *Прим. авт.*) от тогожде оставшагося слова, абие по ипакои, пред антифонамы; четвертое первенствующий кто, такожде от оставшагося поучения, по третьей песни... По неделям же Великаго поста чтения бывают 4: два от Шестодневия святаго Василия, а два последи торжественна, по рядовой недели... Наченши же от Фоминой недели, по всем неделям, даже до Пятидесятницы чтения четыре: 1) от Деяний святых Апостол; 2) Евангелия Иоанна толкованнаго, 3) и 4) от Евангелия рядовой недели, си ест от бесед на рядовое Евангелие».

Из сказанного следует, что на Афоне предметом чтений служит не столько Священное Писание Нового Завета, сколько его толкование и по связи с ним святоотеческие творения, а на бдениях святым – житийные повествования и похвальные слова этим святым. По своему построению чтения, как правило, составляют единое целое, где последующее чтение является продолжением предыдущего. Такая система вызвана необходимостью соблюдать указание типикона о завершении бдения при восходе солнца и дает еклисиарху, который сам регулирует объем того или иного чтения, средство для контроля над продолжительностью агрипнии. В этом отношении чтения, по меткому выражению архимандрита Антонина (Капустина), являются «наилучшим подспорьем к растяжению венощного бдения действительно на всю ночь».

В отношении совершения Шестопсалмия и последующей части утрени до полиелея афонские монастыри придерживаются общих правил Иерусалимского устава. Шестопсалмие предваряется звоном в колокола и била, читается предстоятелем или «учиненным» монахом. В начале чтения свечи и лампы гасятся, и храм покрывается мраком. К частным особенностям относится указание типикона Григориатского монастыря иерею читать утренние молитвы не перед Святыми вратами, а перед иконой Христа. Типикон Филофеевский указывает вместо обычных четырех стихов на «Бог Господь» три особых и троекратное пение тропаря: «Певец начинает «Бог Господь» на глас отпустительного (тропаря. – *Прим. авт.*), канонарх же начинает посредине храма, говорит стихи: стих 1-й «Исповедайтесь Господеви», стих 2-й «И о имени Господни противляхся», стих 3-й «От Господа бысть сей», также тропарь глаголем трижды».

Что касается положенных после кафизм чтений, то только типикон Панте-

леимоновского монастыря указывает их совершение после 1-й и 2-й кафизм и полиелей. Другие типиконы полагают только два чтения: после 1-й и 2-й кафизм.

В начале чтения кафизм предстоятель отлагает мантию и идет в один из параклисов, которые обычно устроены по бокам притвора и не сообщаются с остальными частями храма. Там предстоятель, стоя в игуменской стасидии в епитрахили, вслух читает правило ко Святому Причащению для священнослужителей, монахов и паломников, готовящихся к Причащению.

Полиелейные псалмы (134-й и 135-й) поются полностью. Перед началом пения 134-го псалма канонарх громко возглашает: «Раби Господни». Затем поются сами псалмы на два лика с припевом «аллилуиа» к каждому стиху. Во время пения полиелейных псалмов ектисиархи совершают каждение храма и притвора, о чем еще будет сказано ниже.

Избранные стихи из Давидовых псалмов (так называемый избранный псалом, греч. – эклоги (ἔκλογῆ) поются полностью на два лика. Полиелей в привычном для нас виде – с каждением всего храма предстоятелем, выходом духовенства на середину храма и пением величания перед иконой праздника – на Афоне совершается только в Пантелеимоновском монастыре. Греки, хотя им это и в диковинку, о русском полиелее отзываются весьма одобрительно. Даже на престольный праздник (панагир) Пантелеимоновского монастыря, когда приглашается опытный греческий типикарь, полиелей совершается по русскому обычаю, хотя во всем остальном (например, елеопомазании) греки настаивают на неукоснительном соблюдении афонских порядков.

О пении «Непорочных» типикон Пантелеимоновского монастыря говорит: «стихословим непорочны на три статьи, и по совершении «Непорочных» воскресные тропари на 5-й глас «Ангельский собор» и прочее, говоря перед каждым из них стих «Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим», на Троицен же «Слава» и на Богородичен «И ныне», затем «Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе, Боже» на этот глас».

Полиелей на Афоне, безусловно, является самой торжественной частью утрени, а возможно, и всей агрипнии. На полиелее кандилапты зажигают лампы и свечи на паникадилах и хоросе и с помощью специальных шестов с крюками начинают их раскачивать. При вращении начищенные до блеска металлические фигурки от множества горящих свеч переливаются разноцветным блеском. Торжественность обстановки усугубляется звоном в клепало и каждением, которое совершается двумя ектисиархами в мантиях при помощи кацеи – особой ручной кадильницы. По форме кацея напоминает обычную кадильницу, но вместо цепочек к нижней ее чашечке приделывается рукоятка, покрытая тонким резным металлическим листом, расширяющимся по мере удаления от чашечки и с закруглением на конце, к которому на небольших цепочках прикреплены три бубенца, звенящие при каждении от удара их об локоть кадящего. Кацею держат не за упомянутую ручку, а за другую, которая находится под листом и соединена с основной ручкой. Верхняя чашечка кацеи обычно делается в виде церковки. Для каждения ектисиархи прикладывают к правому плечу один конец большой пелены или воздуха, а другой конец держат в правой руке вместе с ручкой кацеи. Каждение с помощью кацеи совершается, по словам В. Григоровича-Барского, «на литургии на Трисвятом, на повечернице, на каноне, на параклисе Богородичнем и на молебнах святых, на полиелее и на малой вечерни пред бдением», а также при исхождении на трапезу и в конце чина о панагии.

Инок Парфений, описывая праздничное бдение в Пантелеимоновском монастыре, замечает, что «полиелей пели все три псалма по стихам почти два часа. На полиеелее зажгли на паникадилах и на хоросе все свечи, и паникадила все раскачивали. И было великое в храме торжество».

Прокимен праздника со стихом произносит канонарх на середине храма, после чего творит поясной поклон на правый и левый клиросы, а прокимен перед Евангелием со стихом поется на два лика следующим образом: чтец возглашает – «Всякое дыхание», левый лик – прокимен, правый – стих, левый – «Да хвалит дыхание», правый лик заканчивает: «Всякое Господа».

Воскресное Евангелие читается служащим иеромонахом на правой стороне престола, а в остальных случаях – в Царских вратах, лицом к народу.

Воскресную песнь после Евангелия читает предстоятель на кафедре. Затем следует чин целования, как он описан в Иерусалимском уставе: «Иерей, взяв в руки святое Евангелие и выйдя Святыми вратами, идет и становится посредине храма (на омфалионе. – *Прим. авт.*), в преднесении ему лампы, и идет игумен и целует святое Евангелие, делая один поклон перед целованием и один после него, также и братья по двое из того и другого хора, а также и из притвора, делая подобное ему».

Перед началом пения канона канонарх оглашает начало первого ирмоса и припев. Тропари канона поются двумя хорами попеременно с канонархом на глас ирмосов. В это же время диаконы совершают каждение, как и на «Господи, воззвах». На третьей песни, перед чтением кандилапты гасят свечи на паникадилах и хоросе. После шестой песни также бывает чтение. На восьмой песни свечи вновь зажигают. Каждение перед «Честнейшей» совершается диаконами, как в начале канона. Вместо Богородичной иконы в иконостасе диаконы во время пения «Честнейшей» кадят икону Божией Матери в проскинитарии. Возглас диакона перед «Честнейшей» несколько изменен по сравнению с русской практикой: «Богородицу и Матерь Света в песнях почитающе, возвеличим». Светилен поется протопсалтом посреди храма.

О возгласе иерея перед хвалитнами интересное замечание мы находим у архиепископа Василия (Кривошеина), который сам около 20 лет прожил на Афоне в Пантелеимоновском монастыре. Греческий вариант этого возгласа («Яко Тя хвалят вся силы небесныя и Тебе славу воссылают») в большей степени подчеркивает космический аспект нашего спасения, чем славянский («и Тебе славу воссылаем»), который, по мнению архиепископа Василия, более антропоцентричен.

На хвалитех поются все три псалма антифонно. Во время пения хвалитных псалмов бывает помазание. Всех, в том числе и священнослужителей, помазует иерей из лампы, которая всю службу горит над праздничной иконой и подвешена к задней стенке проскинитария. Для помазания обычно используется струец, на конце которого насажена губка или кусочек ваты. Но в некоторых афонских монастырях сохраняется древний обычай помазания двумя перстами, о котором упоминается в рукописи 1346 года из библиотеки Ватопедского монастыря: «Если же игумен удостоен иерейского сана, то он сам помазует братьев, погружая свои два пальца в елей». Если в монастыре есть мощи праздничного святого, их выносят из алтаря и полагают слева от проскинитария на особом столике, покрытом пеленой. Мощам предшествует кандилапт с зажженным мануалом, который ставится слева от них. При выносе святых мощей все делают поясной поклон и обнажают голову. То же и при унесении их в алтарь, причём иерей из Царских врат крестообразно благословляет ими молящихся. Бра-

тия подходят под помазание по двое, сотворив три поясных поклона перед иконой и один земной перед мощами. После славословия мощи уносят обратно в алтарь.

Такая практика не согласуется с древнейшими указаниями типиконов, которые предписывают совершать помазание после отпуста утрени: «Собираемся все пред проскинитарием, и кадит иерей или диакон святую икону и предстоятеля, затем братьев и снова святую икону, затем, сделав масляный помазок и омакнув его во святую лампаду, держит его. Пришед же предстоятель и поклонившись и поцеловав святую икону, идет к иерею, и если почтен достоинством священства, то, взяв помазок из рук иерея, прежде помазывает сам себя, затем иерея, потом, если хочет, сам помазывает братьев, если же нет, то отдает помазок иерею, и тот помазывает их, если же предстоятель непосвященный, то, по помазании иереем, становится на его место; затем подходят братья по чину и, поклонившись и поцеловав (икону. – *Прим. авт.*) и будучи помазаны, снова кланяются и, сотворив поклоны к братьям на клиросе, когда игумен ответит им поклоном, становятся на свои места. По помазании всех возглашает иерей: «Услыши ны, Боже... Мир всем. Главы наша Господеви преклоним» и говорит молитву «Владыко Многомилостиве, Господи...». И по совершении сего – «Приидите, поклонимся» и, ишед в притвор, поем 1-й час» (типикон Пантелеимоновского монастыря). Напротив этого указания типикона сделана запись, отражающая современный порядок: «это древнейший чин, ныне же, когда поются хвалитны, снимает седмичный фелонь и, поцеловав икону и сотворив помазком образ креста на ней, помазует...».

Частной особенностью богослужения в Григориатском монастыре является пение на «Свят Господь Бог наш» стихов «Возносите Господа Бога нашего» и «Яко свят есть...» вместо общепринятых уставами стихов. На «Сый благовостен» диаваст отвечает: «Утверди, Господи Боже, святую и непорочную веру благочестивых и православных христиан со святою Своею Церковью и святой обителью сей, святой горой сей во веки веков» и «Вечная память святым и приснопамятным ктиторама святая обители сия».

Лития по отпущу совершается в притворе (как это указано в константинопольских списках Иерусалимского устава) с той лишь разницей, что елеопомазание переносится на хвалитны, как уже говорилось выше.

Сразу после 1-го часа бывает малое освящение воды, которое совершается в фиале. Афонский фиал представляет собой небольшую беседку из мрамора, круглую в поперечнике, сферический купол которой поддерживают восемь и более колонн, соединенных между собой перегородкой высотой до 70 сантиметров. С востока и запада между колоннами оставлен проход. В центре этой беседки на постаменте находится чаша для освящения воды. Размеры мраморной чаши в некоторых монастырях достигают 6–7 метров в диаметре.

Обычно фиал расположен справа от главного входа в собор. Водоосвящение совершает игумен при участии всех иеромонахов. Специально для праздничного водоосвящения из ризницы приносится резной деревянный крест с подставкой, имеющий частицу Животворящего Креста Господня. По окончании водоосвящения братья и паломники подходят к игумену, который дает им для целования крест и окропляет святой водой. На Афоне для окропления используют не привычное нам кропило, а веточку базилика. Вероятно, этот обычай перешел на Святую Гору из палестинских монастырей. По преданию, кусты базилика (греч. василикос (βασιλικός), то есть царственный) покрывали всю Голгофу и своим благородным благоуханием привлекли внимание святой царицы

Елены, когда она искала Животворящий Крест Господень. До сих пор базилик очень распространен на Ближнем Востоке.

Еще одна афонская особенность чина водоосвящения – вынос для поклонения почти всех имеющихся в обители святых мощей. Ковчеги с мощами расставляют по краям водосвятной чаши и все прикладываются к святым мощам перед тем, как подойти под окропление.

Проскомидия совершается во время чтения в притворе 3-го и 6-го часов, каждый из которых имеет свой отпуск. По окончании проскомидии иерей в алтаре звонит в колокольчик, при этом монахи выходят из стасидий, снимают камиллавки и, склонив головы, поминают живых и умерших. Иерей в это время вынимает частицы из просфоры. При архиерейском служении отпуск проскомидии делает епископ после так называемой архиерейской проскомидии перед Великим выходом.

По отпуске часов хор поет «Достойно есть» и тропарь праздника трижды. В это время архиерей сходит с кафедры и выступает на середину храма. Из алтаря по двое выходят диаконы с дикирием и трикирием и священники с частями архиерейского облачения и становятся полукругом перед архиереем. Два диакона облачают епископа, а один из диаконов с дикирием произносит положенные на чин облачения архиерея молитвы. По облачении архиерей благословляет народ свечами, а хор поет долгое «Ис полла».

Затем архиерей принимает жезл и возвращается на кафедру. Два диакона со свечами, став по обе стороны Царских врат, поочередно возглашают: «Священницы изыдите; изыдите священницы». Иереи по-двое выходят Царскими вратами и становятся против них полукругом, лицом к востоку. Игумен берет благословение у епископа и возвращается в алтарь. До Трисвятого литургия совершается обычным порядком.

Профессор А. А. Дмитриевский отмечает, что в Лавре преподобного Афанасия однажды в год на малом входе выносятся Евангелие – вклад императрицы Елизаветы Петровны. Вес книги в массивном позолоченном окладе составляет несколько пудов, и ее с трудом удерживают два диакона.

Как уже говорилось, на панагир приглашаются члены Священного Кинота (собрания) – духовного управления Святой Горы, которое состоит из 20 антипросопов, представителей каждого из афонских монастырей. В их честь перед Трисвятым, кроме положенных тропарей и кондаков, хор исполняет тропари праздников или святых, имени которых посвящены монастыри, соблюдая при этом указанный афонским диптихом порядок. Исключение делается только для Протепистата, или Прота, председателя Священного Кинота: тропарь его монастыря исполняется первым. На «И ныне» кондак «Взбранной Воеводе» поется по стихам священнослужителями в алтаре и обоими хорами.

Возглас архиерея перед Трисвятым несколько отличается от указанного в Иератиконе и Евхологии: «Яко свят еси, Боже наш, и Тебе славу и трисвятую песнь воссылаем...» Два диакона поочередно возглашают слова: «Господи, спаси благочестивыя», повторяемые хорами. Затем первый диакон возглашает: «И услыши ны», а второй: «И во веки веков».

Трисвятое исполняется следующим образом. Сначала его полностью поют оба хора, затем «Славу» – первый хор, «И ныне» – второй хор, «Святый Бесмертный» – первый хор. Священнослужители в алтаре поют «Святый Боже». Архиерей выходит в центр храма (на омфалион) с дикирием и трикирием и возглашает: «С небесе призри, Господи, и виждь...», а первый хор заканчивает пение

Трисвятого. Затем диакон, стоя лицом к западу, произносит возглас «Динамис» (то есть «Вьшним гласом»). Хоры повторяют этот возглас и вновь поют Трисвятое по частям особым медленным распевом, припевая к каждой части терирем.

Такое необычайно торжественное исполнение Трисвятого, сопровождаемое раскачиванием хороса и паникадил и каждением храма двумя ектисиархами в мантиях и с кацеями, продолжается более получаса.

Сразу после Трисвятого диакон возглашает торжественное многолетие слушаемому епископу: «Имярек, Высокопреосвященнейшему и богопоставленному митрополиту святейшей митрополии (полное наименование епархии), нашему же отцу и иерарху многая лета». Многолетие поочередно повторяют священнослужители в алтаре и оба хора. В отсутствие епископа многолетствуют Константинопольского Патриарха, но с более скромной формулой многолетия: «Имярек, Святейшему Вселенскому Патриарху многая лета».

Апостол читает диакон или диаваст в мантии на середине храма. Чтец возглашает: «Прокимен Апостола», а затем произносит сам прокимен и стих прокимна. Хор прокимен не поет. Достоинно замечания, что в современной афонской практике опускается аллилуиарий. Его заменяет троекратное пение хором «Аллилуиа», что вполне соответствует современному Иератикону, но противоречит древнейшим типиконам и Евхологиям, где указывается, что чтец должен произносить: «Псалом Давидов», и затем следует аллилуиарий со стихом.

Евангелие читает предстоятель в Царских вратах лицом к народу. В начале пения Херувимской песни ектисиархи зажигают свечи на хоросе и паникадилах и приводят их в движение. Херувимскую поют на правом клиросе лучшие псалты из обоих хоров, с териремом и до слов «Яко да Царя всех подыдем», которые диаваст произносит нараспев.

Великий вход имеет ряд особенностей. В конце так называемой архиерейской проскомидии епископ звонит в колокольчик. По этому знаку братия выходит из стасидий и, сняв камилавки и преклонив главу, поминает живых и умерших, пребывая в таком положении до окончания входа. Перед выходом со Святыми Дарами епископ кланяется в Царских вратах народу и испрашивает у него прощения, а затем благословляет руками. Также и священники в Царских вратах, крестообразно сложив на груди руки, кланяются народу и испрашивают прощение. Выйдя из алтаря, процессия духовенства следует не вдоль иконостаса, а проходит через центр храма и выстраивается полукругом на омфалионе. В руках у иеромонахов – ковчеги со святыми мощами, кресты с частицами Святого Животворящего Древа и т. п. Единой формы поминовения на Великом входе не существует, и епископ, по своему усмотрению, может читать краткий или пространный диптих.

По возгласе диакона «Возлюбим друг друга...» хор поет слова молитвы, которую в это время иерей тайно читает в алтаре: «Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя; Господь утверждение мое и прибежище мое и избавитель мой». Возможно, такой обычай является отдаленным напоминанием о практике гласного чтения тайных молитв, существовавшей в Древней Церкви.

Символ веры, как и молитва Господня «Отче наш», не поется, а читается. На Афоне неизменно соблюдается обычай предоставления этого почетного права одному из гостей, а поскольку почти все делегаты от других монастырей облечены священным саном и участвуют в совершении литургии, Символ веры читает обычно один из представителей греческой администрации на Афоне: губернатор, вице-губернатор или начальник полиции.

Одна из начальных фраз Евхаристического канона у греков, в том числе и на Афоне, читается несколько иначе, чем в славянской литургии, а именно: «Елей мира, жертву хваления». Архиепископ Василий (Кривошеин) считает, что различие явилось результатом путаницы в греческих рукописях, возникшей из-за схожего произношения двух слов: элеон (елей) и элеос (милость). Оригинальной, по его мнению, является первая форма, тогда как вторая – ошибка или сознательное нововведение переписчика, пожелавшего здесь «углубить», «спиритуализировать» библейский текст. Еще до того, как «углубленный» вариант перешел в славянскую литургию, он получил широкое распространение в Византии. Николай Кавасила (XIV в.) в своем «Толковании литургии», хотя и не цитирует это место, но из его парафраза следует, что он читает именно «милость», а не «елей»: «Ибо мы предлагаем милость Тому, Кто сказал: милости хочу, а не жертвы... Но предлагаем мы и жертву хваления». Однако греки остались привержены библейскому тексту, и этот «углубленный» вариант не прижился в греческой литургии.

Другая особенность, не известная в Русской Церкви: современный Иератикон указывает, что «перед произнесением возгласа «Благодарим Господа» иерей, сложив крестовидно руки на груди, преклоняется перед образом Владыки Христа». Хор на этот возглас отвечает: «Достойно и праведно».

Дальнейшая часть Евхаристического канона, вплоть до момента раздробления Святого Агнца, совершается аналогично с практикой Русской Церкви с учетом особенностей, о которых уже упоминалось. На «В первых помяни, Господи» архиерей поминает Константинопольского Патриарха, а имя самого служащего архиерея не поминается, как не бывает и так называемой «великой похвалы», или «выкрички».

Перед возгласом «Святая святым» канонарх нараспев произносит: «В помощь всех благочестивых и православных христиан». Во время пения киноника, или причастного стиха, который исполняется особым долгим распевом, ексхиархи выносят из алтаря два блюда с нарезанными частями антидора и благословенного хлеба и ставят их на аналогии на правом и левом клиросе, а затем гасят свечи на хоросе и паникадилах.

Одновременно с этим происходит поклонение иконам. Братия по чину, а за ней и паломники выходят из своих стасидий и, положив земной поклон перед кафедрой архиерея, полагают три поясных поклона перед иконой в проскинитарии и один поясной поклон после лобызания иконы; затем отходят на другую сторону храма и, сняв камилавку, полагают три земных поклона перед лобызанием чтимой иконы Божией Матери. После этого выходят на омфалион и уже в камилавке полагают три поясных поклона в сторону алтаря и по одному земному обоим клиросам и народу, после чего возвращаются на обычное свое место. На Афоне это называется делать схиму, то есть поклоном на четыре стороны изображать крест. Хор после киноника исполняет обычно стихирю святого с териремом.

Когда отверзается завеса Царских врат и выходит диакон и иерей с Чашей, братия выходит из стасидий и, сняв камилавки, склоняет головы. Диакон громко возглашает: «Со страхом Божиим, верою и любовью приступите». Молитвы перед причащением не читаются, но канонарх произносит нараспев: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем; помяни мя, Владыко, егда приидеши во Царствии Твоем; помяни мя, Святыи, егда приидеши во Царствии Твоем». Во время причащения хор медленно поет молитву «Вечери Твоея тайныя...» Стих «Тело Христово приимите...» исполняется только в период пения Цветной Триоди.

Как и во всех греческих храмах, на Афоне диаконы не держат плата перед Чашей; каждый из подходящих ко Святой Чаше берет плат обеими руками и, причастившись, отдает следующему. В Русской Церкви такая практика соблюдается во время причащения священнослужителей в алтаре. Разница состоит еще и в том, что у греков нет обычая целовать край Чаши после причащения.

В некоторых наиболее строгих монастырях Святой Горы существует обычай причащать не принимавших участие в священнослужении иереев и диаконов вне алтаря, как простых монахов. Обычай этот недавний и возник, по-видимому, из стремления насельников этих монастырей возродить некоторые литургические порядки древних монашеских общежитий. Еще один интересный обычай мне приходилось наблюдать в Ватопеде. Здесь после отверзения Царских врат братия падает ниц, игумен в Царских вратах вслух читает разрешительную молитву и обводит храм епитрахилью. Эта практика, хотя и редко теперь встречающаяся, – не нововведение, так как еще в типиконе 1870 года Пантелеимоновского монастыря со ссылкой на более ранний Дионисиатский типикон говорится о подобном обычае, но не перед причащением, а после отпуста часов до начала литургии.

Надо сказать, что греческая, в том числе и афонская, практика не знает крестного хода с водосвятным молебном в конце литургии, и этот неотъемлемый атрибут любого престольного праздника в России существует только в Пантелеимоновском монастыре.

Заамвонную молитву игумен читает перед местным образом Спасителя. Хор поет «Слава, и ныне» и «Молитвами, Господи, всех святых и Богородицы мир Твой подаждь нам и помилуй нас, яко един щедр». Во время пения этого стиха ексхисархи вносят в церковь большое блюдо с коливо и ставят его перед проскинитарием. Коливо это, по замечанию В. Григоровича-Барского, по своему составу «есть самая пшеница чистая, добре уваренная и исцезенная от воды, и с орехами толченными смешана». На его поверхности разноцветной пудрой и орехами изображается икона Богоматери или празднуемого святого, на что у специальной артели монахов-колливадов уходит несколько часов.

Архиерей и все духовенство выходят из алтаря, и, покадив коливо, архиерей читает молитву «Вся совершивший словом Твоим, Господи» и благословляет коливо рукой. Первый хор поет «Буди имя Господне благословено» и второй – «Имя Господне буди благословено», затем первый хор начинает пение этого стиха снова, а второй хор его оканчивает. Во время пения ексхисархи уносят коливо в трапезу. Священнослужители возвращаются в алтарь, а архиерей встает на кафедру и произносит возглас «Благословение Господне и милость Его на вас, Того Божественного благодатия и человеколюбием всегда, ныне и присно, и во веки веков». Хор поет: «Аминь», архиерей: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе», хор: «Слава, и ныне», «Господи, помилуй» (трижды) и «Владыко святыи, благослови».

Архиерей, взяв в руки крест, с кафедры творит отпуст, который имеет несколько иное, чем в славянском служебнике завершение: «... и всех святых, помилует и спасет нас, яко благ и Человеколюбец и милостивый Бог» и «Молитвами святых отец наших». На этот заключительный возглас архиерея игумен, став во Святых вратах, делает ему поклон и отвечает «Молитвами свягаго Владыки нашего». Хор начинает пение тропаря «Пресвятая Владычице, под покров Твой вси раби Твои прибегаем» и полного многолетия «Тон Деспотин ке Архиереа имон», во время которого архиерей на все стороны осеняет предстоящих крестом. Если архиерея нет и службу возглавляет игумен, ему также поется

многолетие, но особое: «Благословляющего и освящающего нас, Господи, сохрани на многая лета».

После многолетия архиерей трижды произносит «Слава Тебе, Боже», и учиненный монах на правом клиросе начинает чтение благодарственных молитв. Братия по чину подходит к архиерею, который с кафедры дает в руки каждому частицу антидора со словами «Благословение Господне и милость Его прииде на вас». Получив благословение и антидор, братия отходит на другую сторону храма, берет часть благословенного хлеба и вкушает его, запивая вместо теплоты святой водой, которая есть в каждом храме и содержится в специальной фарфоровой чаше, по виду чем-то напоминающей суповницу. Для зачерпывания святой воды на Афоне используют не ковшки, как в России, а обыкновенные чашечки с ручками.

Окончив раздачу антидора, архиерей проходит в алтарь и, став перед престолом, разоблачается с помощью двух диаконов. При этом облачение складывается на престоле. Здесь же архиерей надевает мантию и клобук и с жезлом в руках, предваряемый двумя кандилаптами в мантиях и с подсвечниками, следует через Царские врата в трапезу. Пред архиереем также в мантии и епитрахили идет иеромонах с панагиаром, в который вложена частица Богородичной просфоры. За епископом следуют игумен и братия по двое. Шествие сопровождается пением тропаря праздника и колокольным звоном. Кандилапты (или еклисиархи) проходят через всю трапезу, раскачивая паникадила со свечами, и ставят подсвечники по бокам игуменского стола.

Поскольку праздничная трапеза и связанный с нею чин возвышения Панагии воспринимаются святогорцами как особое священнодействие в составе праздничного богослужения, необходимо хотя бы вкратце сказать об устройстве монастырских трапезных палат на Афоне и чине трапезы. Все это обстоятельно описано В. Григоровичем-Барским и (с XVIII века) осталось почти без изменений. «Суть же трапезы в всех святогорских монастырях, – пишет Барский, – подобие церквам, иконописанием и кандиламы, но не имеют внутрь храмов... якоже есть обичай в монастырях российских». Вход в трапезу расположен против главного входа в собор. «Создана же трапеза от камней крестообразна, такожде и покровенна, еяже покровь внутренний деревян, поверху же деревянаго внешний, от дщиц тонких каменных, наподобие черепиц, по общему обычаю Святогорскому. Имеет же и ина два врата менша, по бокам, и ест внутр вся по стенам иконописанна».

В глубине трапезы в центре стоит полукруглый стол игумена, а по бокам вдоль стен расположены столы для братии. Барский пишет, что за вторым столом сидят проигумены, за третьим – седмичный иерей со священниками и клирошанами, за четвертым – почетные старцы и за остальными столами – иеродиаконы и прочая братия и миряне.

Итак, архиерей проходит вглубь трапезы и, не снимая мантии и клобука, занимает место в центре за игуменским столом. По бокам садятся игумены и один-два человека из наиболее почетных гостей. Панагиар поставляют на специальный стол, приставленный к игуменскому. Там же ставят икону из проскинитария.

Когда вся братия войдет в трапезную палату, чтец в мантии поднимается на особое возвышение, или «амвон», и начинается чтение похвального слова или жития святого. Барский замечает, что, когда игумен начинает пить первую чашу, чтец прерывает чтение и говорит «Молитвами святаго отца нашего», подразумевая игумена, «но не глаголет обычно «Молитвами святых отец».

«Егда имеют близ окончевати трапезу, первое бьет в звонок седмичный, да оставит чтение и просит прощение (чтец. – *Прим. авт.*); второе гласит, да соберут всякую яству и сосуды; третие, да соберут окрухи в кошницы». В современной практике это бывает несколько иначе. Перед тем как поднять чашу с вином, игумен ударяет в стоящий на игуменском столе звонок. По этому знаку чтец прерывает чтение и провозносит: «Молитвами святаго Владьки нашего». Такой порядок предписан еще Студийским уставом: «Равным образом и на смешение и на блюдо бывает знак ударом». «Смешением» здесь названо указание на обычай разбавлять вино водой, знакомый еще древним грекам и сохранившийся у святогорцев.

В конце трапезы трапезари подносят к игуменскому столу блюдо с коливом, и архиерей, начертав на нем знак креста, берет по ложке колива для себя и сидящих с ним. Затем коливо перемешивается, и трапезари обходят с ним остальных монахов и паломников. А. А. Дмитриевский, описывая панагир в Пантелеимоновском монастыре, говорит, что братия вкушает коливо со словами «Бог да упокоит отца и братию нашу».

В это же время принято предлагать архиерею или игумену-гостю обратиться к братии с небольшим поучением или назидательным словом. Любопытно, что афонские иноки и греки вообще, по примеру византийцев, очень неравнодушны к ораторскому искусству и на особенно понравившиеся проповеди отвечают бурными «овациями»: стучением чашками по столу. В некоторых обителях в знак уважения к высоким гостям принято исполнять тропари святым, имена которых они носят.

По второму звонку вкушение прекращается, а по третьему все встают. Чтец спускается с амвона, со словами «Молитвами святых отец наших» (дважды) и «Молитвами святаго Владьки нашего» подходит к игуменскому столу и получает из рук предстоятеля «благословение» – чашу вина и ломоть хлеба.

Затем следует чин о Панагии, как он описан в типиконе. По возвышении Панагии (части Богородичной просфоры) ее разделяют надвое: «едину на одесную обносит трапезарь, другую же ошуюю подытрапезарий... за ними же последует и кадьяй, такожде в мантии» и с кацією. Братия отщипывает кусочек от просфоры и, подержав крестообразно над фимиамом, вкушает.

По прочтении благодарственных молитв первым из трапезы выходит епископ и встает справа от дверей, подняв правую руку с именословно сложенными перстами. Слева от дверей трапезарь и повар, «припадшы ниц до земли, прошение от братий просят». Братия выходит по двое, кланяется в дверях архиерею и следует в собор, где служит краткая лития. В конце ее игумен-гость обычно слагает с себя игуменские регалии и возвращает их настоятелю данной обители.

Праздничная программа была бы неполной без традиционного угощения в «синодике» сразу после окончания литии. Поскольку большинство гостей покидают к полудню празднующий монастырь, прощальное собрание в торжественных приемных покоях не только позволяет им подкрепить силы перед дорогой чашечкой крепкого кофе, но и отведать, как говорят в России, «на посошок» афонской ракии. Такие собрания являются для святогорцев чем-то вроде клубных встреч: невзирая на усталость, они живо обсуждают прошедшее бдение, пение клирошан, делятся новостями из афонской жизни. Здесь же, за угощением, принято принимать поздравления с праздником от представителей светских властей.

К сожалению, в последнее время настоятели некоторых монастырей прямо во время трапезы предоставляют слово губернатору или другим чиновникам из

греческой администрации. Такое нововведение оспаривает большинство афонитов, которые справедливо полагают, что трапеза – место по-своему священное и не предназначено для мирских приветствий.

Проводы гостей и архиерея выглядят не так торжественно, как встреча, но настоятель с частью братии провожат их до самых ворот обители. На прощанье в некоторых обителях всем паломникам дают «благословение» – в фирменном конверте книги или открытки с видами монастыря, изображениями икон и других святынь.

Еще одна деталь, характеризующая удивительное и истинно христианское гостеприимство афонских монахов. Многие монастыри не успевают закончить праздничное бдение до прихода корабля, который раз в день связывает Афонскую Гору с внешним миром. В таких случаях обитель на свои средства нанимает судно и другой транспорт, чтобы развести «празднлюбцев» по своим монастырям и за пределы Афона. К полудню обитель как будто вымирает: братия и оставшиеся паломники отдыхают после бдения. Но панагир на этом не кончается. Второй день праздника по традиции посвящен соборной молитве об усопших ктиторах монастыря и поэтому именуется «ктиторским». Начинается он вседневной вечерней в соборе, за которой к обычным прошениям на ектениях добавляются прошения об упокоении душ усопших создателей и благотворителей данной обители.

После вечерни во внешнем притворе храма игумен и все наличное духовенство совершают так называемую ктиторскую панихиду. Ее особенность состоит в том, что в самом начале игумен со своей мраморной кафедры раздаст всем молящимся, начиная с иеромонахов, по так называемой задушной свече – ψυχοκέρϊον. Для того, чтобы все священники могли реально участвовать в совершении панихиды, возглас «Яко Ты еси воскресение...», произносимый игуменом, затем повторяется каждым из служащих иереев.

В конце панихиды здесь же, в притворе, игумен благословляет коливо. А. А. Дмитриевский в описании панагира в Пантелеимоновском монастыре сообщает, что ектисиархи сразу после благословения обносят блюдом с коливом всех молящихся, начиная с иеромонахов, и те прямо руками берут часть коллива и вкушают в память об усопших ктиторах. В современной практике вкушение коллива бывает в конце вечерней трапезы.

На этом можно было бы закончить рассказ об афонском панагире, но в заключение хочется сказать несколько слов об облачениях и повседневной одежде афонских монахов. На Афоне, как и во всех греческих церквях, цвета облачений выбираются произвольно, за исключением Великого поста и Пасхи, когда духовенство служит в черных и красных облачениях соответственно. Ни за богослужением, ни вне его иереи не носят наперсных крестов и набедренников, а архимандриты – митр (справедливости ради заметим, что некогда ношение набедренника было принято на Афоне: в 1313 году император Андроник Старший Палеолог передал Святую Гору в подчинение Константинопольскому Патриарху. В знак своего канонического главенства над Афоном Патриарх Нифон возложил на прота Святой Горы Феофана палицу и набедренник и благословил их ношение за богослужением). Кстати, на Афоне все архимандриты, в том числе и носящие этот сан вне Афона, обязаны именоваться иеромонахами. В специальном «практиконе» Священного Кинота по этому поводу говорится, что так только и прилично именоваться смиренным святогорцам, ибо и Патриархи, приходившие в древности в афонские монастыри, подписывались

простыми монахами. Исключение составляет настоятель монастыря, но и он за богослужением поминается как иеромонах. Ему же принадлежит исключительное право ношения наперсного креста и архиерейской лиловой мантии с источниками. Последняя практика возникла из того, что все монастыри на Святой Горе являются патриаршими ставропигиями. Вероятно, поэтому настоятель каждого монастыря именуется «кафигумен», то есть [первый] после игумена», под которым подразумевается Константинопольский Патриархат.

В прошлом веке настоятели крупнейших русских обителей на Афоне (Пантелеимоновский монастырь, Андреевский и Ильинский скиты) получили от Константинопольских Патриархов право ношения панагии, служения с дикирием и трикирием, благословения двумя руками с пением «Ис полла эти, Деспота». В настоящее время такой практики не существует.

Повседневная одежда монахов состоит из подрясника и рясы, которую на Афоне носят даже послушники. Появление в церкви или на трапезе без рясы считается недопустимым. Вместо клобука святогорцы носят камилавки самых разнообразных форм из материи или войлока. В церкви и на трапезе сверху камилавки надевается наметка, которую снимают в определенные моменты богослужения. Камилавка снимается только на литургии во время Евхаристического канона. Монашескую мантию на Афоне носят только ексхисархи и кандилапты во время богослужения. По афонской традиции, послушников постригают в великую схиму, но сама схима, или «аналав», носится под рясой и надевается только во время праздничных служб или когда монах подходит к Причастию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Εὐχολογίον το μέγα. Ἀφῆναι (репринт венецианского издания 1862 г.)
2. Ἱερατικόν. Ἀφῆναι 1987.
3. Архиепископ Василий (Кривошеин). Некоторые богослужебные особенности у греков и русских и их значение. – Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата.
4. Дмитриевский А. А. Богослужение в Русской Церкви в XVI веке. Казань, 1884.
5. Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Киев, 1901, т. 2; Петроград, 1917, т. 3.
6. Дмитриевский А. А. Современное богослужение на Православном Востоке. Вып. 1. Киев, 1891.
7. Дмитриевский А. А. Церковные торжества в дни великих праздников на Православном Востоке. СПб., 1909, ч. 1; Петроград, б. г., ч. 2.
8. Мансветов И. Д. Церковный устав. М., 1885.
9. Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской. Ч. 1. СПб., 1850.
10. Епископ Порфирий (Успенский). Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты. Ч. 2. Киев, 1877.
11. Скабалланович М. Н. Толковый Типикон. Вып. 1. Киев, 1913; Вып. 2 – Киев, 1910; Вып. 3 – Киев, 1915.
12. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя Горы Афонския Парфения. М., 1856.
13. Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 гг. СПб., 1887, ч. 3.
14. Успенский Н. Д. Чин всенощного бдения на православном Востоке и в Русской Церкви. – Богословские труды. 1977, № 18; 1978, № 19.
15. Δωροφῆου μοναχοῦ. Το Ἄγιον Ὄρος. Κατερίνη 1985, ч.ч. I – II.